

**Неореализм: украинно-русские параллели мировосприятия и познания человека в русле первой трети XX века.
Рецензия на монографию Ревы Л.В. «Неореализм: дискурс теорій та художніх ідей (на матеріалі української та російської літератури і критики)». [К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. – 344 с.]**

Первая треть XX века известна своими революционными событиями не только в общественном, но и в научном, и культурном движениях. Это был своеобразный «взрыв» развития, которое осуществлялось в чрезвычайно жесткой борьбе носителей противоположных теорий и идей. Возникающие противоречия создавали благодатную почву для движения вперед, одновременно отрицая и разрушая предыдущие приобретения. Поэтому этот период вызывает неугасимый интерес и, скорее всего, будет вызывать в последующие времена, реализуясь в инновационных исследованиях и неординарных научных концепциях.

Монография коллеги с Украины Л. В. Ревы является одной из таких инновационных литературоведческих работ. Акценты этой работы посвящены неореалистическому направлению, возникновение которого длительное время отрицалось в нашем еще до недавнего времени общем советском пространстве. Следует заметить, что в отличии от русских исследователей, в украинском литературоведении довольно осторожное отношение к неореализму. Хотя в последнее время появились отдельные попытки приоткрыть таинство неореализма в работах докторов филологических наук Н. Кодака («Лірична драма І. Франка “Зів’яле листя” як творчий акт неореаліста» в книге «Авторська свідомість і класична поетика».— К., 2006), А. Козлова («Дух неореалізму в драматургії Лесі Українки» в сборнике «Література. Фольклор. Проблеми поетики». – Вип. 32. – Ч. 1. – К., 2008), Р. Мовчан (стаття о неореалізмі В. Підмогильного и Г. Косынки (в монографії «Український модернізм 1920-х: портрет в історичному інтер’єрі». – К., 2008). Не менее интересные взгляды предложено молодым автором Ю. Лаврисок в статье «Реалізм чи неореалізм? (спроба стилізованої ідентифікації прози О. Слісаренка)» в сборнике «Київська старовина». – 2005. – № 6).

В русском литературоведении термин «неореализм» уже не вызывает такого бурного отрицания, которое существовало в прошлом веке. Более того, этот термин в наше время восстановлен в новом качестве, как очень перспективный для научного поиска, поскольку имеет историю создания, становления, запрещения, забвения, возрождения в 60-х годах XX века благодаря книге З. Потаповой о неореализме в итальянской литературе, – и

в целом, как термин сплошных противоречий и разнообразный мнений о его специфике. Благодатную научную ниву в неореалистических неизведанных тропях нашли современные авторы У. Абишева («Неореализм в русской литературе 1900 – 1910-х годов».– М., 2005), Т. Давидова («Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция» (Е. Замятин, И. Шмелев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.)».– М., 2006), В. Захарова и Т. Комышкова («Неореализм в русской прозе XX века: типология художественного сознания в аспекте исторической поэтики».– Н. Новгород, 2008), в диссертационных исследованиях Н. Рублевой («“Творимая легенда” Федора Сологуба как явление русского неореализма». – Вологда, 2002), М. Хатямовой («Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века».– Томск, 2008). Известны работы о неореализме в русской литературе профессора из Кировоградского университета (Украина) С. Тузкова: «Типология и поэтика русской повести начала XX века» (Кировоград, 2006) и «Неореализм: Жанрово-стилевые поиски в русской литературе конца XIX – начала XX века. (М., 2009). Несмотря на разнообразие концепций в работах упомянутых авторов заметно соблюдение научной этики, поскольку право первенства неореалистических поисков принадлежит Е. Колтоновской (работы начала XX века), а право возрождения этих поисков – В. Келдышу. Благодаря работе В. Келдыша «Реализм и “неореализм”» (в сборнике «Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)».– Книга 1.– М., 2000) возрождена новая борьба за утверждение неореализма. Примечательно, что Л. В. Рева сделала попытку обстоятельно разобраться со всеми предложенными в прошлом и в современный период идеями развития нового литературного направления, создав собственную концепцию неореализма.

Важным является и то, что в своих теоретических выводах Л. В. Рева обратила внимание на соотношение модернизма и неореализма, реализма и неореализма, а также предложила интересную концепцию о родстве неореализма с символизмом (в большей степени в русской литературе, поскольку символистская школа была более развитой в начале прошлого века именно в России, чем в Украине). Впечатляет широта исследования, заметно, что автор пытается раскрыть суть становления неореализма, понять общий пласт развития разнообразных миров (литературного и литературоведческого, научного и культурного, общественного и ментального и т. д.) в их взаимном переплетении, влиянии на новый реализм и отражении в нем. Для всестороннего миропонимания Л. В. Рева обращается к большому кругу работ, находя параллелизм взглядов не только в литературоведческом, но и в философском кругу мыслителей об эпохе.

Отдельная глава посвящена истории неореализма в философии, поскольку термин берет свое начало от группы новых реалистов

Гарвардського общества, которые предложили миру название «неореализм» в работе «The New Realism. Cooperative Studies in Philosophy» (Нью-Йорк, 1912). Позитивной стороной монографии является акцентуация на вопросах философии неореализма как общего движения философской мысли. Автор серьезно подошла к анализу истории движения философии неореализма, суть которой заключается в сочетании науки, философии (как мироощущения), литературы, языка, ментальности, на основе логической взаимосвязи. Имена Дж. Е. Мура, Б. Рассела, А. Н. Уайтхеда, У. Джемса и других философско-неореалистов должны учитываться литературоведческим кругом, поскольку переводные варианты их философских размышлений уже начинают занимать постсоветское пространство.

Монография Л. В. Реви является первой попыткой анализа философских концепций неореализма в их органической взаимосвязи с логичистичными знаниями о мире и людях, которые нашли свое художественное отображение в литературе первой трети XX века. Новаторский подход к философской основе избранного для анализа периода автор закрепила весомыми аргументами о влиянии англо-американского неореализма на формирование философских и литературоведческих концепций XX века.

Из четырех разделов монографии (первый – философский, второй – литературоведческий) два содержат практический анализ художественных текстов известных русских писателей И. Бунина, М. Горького и И. Шмелева, а также украинских – В. Винниченко и В. Пидмогильного. Заметим, что российскому научному кругу известно творчество В. Винниченко. Имя В. Пидмогильного мало известно в силу долгого периода запрета его творческого наследия по понятным идеологическим причинам. Однако художественные поиски В. Пидмогильного вызывают как уважение, так и интерес не только для украинских исследователей. Художественное подкрепление теории неореализма составляет позитивное впечатление от всего труда.

Монография производит неоднозначное впечатление и представление о концепции литературы и критики в контексте современности, однако избранная тема имеет право на свою сферу исследовательской линии в литературоведении. В целом монографическое исследование – глубокий и интересный труд, который открывает новые возможности анализа неореализма в творчестве русских и украинских писателей начала XX века.

Д.філол.н., проф. Ващенко А.В.